

Чэн Цзайе опустил голову, бережно вложил три розы из лего в руки Цзян Шоуяня и сказал:

— Я тоже тебя люблю.

Цзян Шоуянь посмотрел на цветы в своих руках и, тихо рассмеявшись, спросил:

— Без цветов уже и сказать не можешь?

Чэн Цзайе прижался лбом к его лбу и повторил ещё раз:

— Цзян Шоуянь, я люблю тебя.

Долгими ночами, которые казались Цзян Шоуяню невыносимыми, Чэн Цзайе точно так же раз за разом шептал ему на ухо: «Ничего страшного, я здесь, я люблю тебя». Поскольку его любовь была абсолютно чистой, Чэн Цзайе говорил это очень легко, не навязывая ожиданий и не требуя ничего взамен — просто потому, что это был Цзян Шоуянь.

Слёзы, которые Цзян Шоуянь сдерживал во время разговора с Чжоу Цзянем, сейчас почему-то необъяснимым образом подступили к глазам. Опустив голову, он тихо произнёс:

— Терпеть тебя не могу.

Чэн Цзайе почесал мочку его уха:

— И за что же ты меня терпеть не можешь?

Цзян Шоуянь моргнул, сдерживая слёзы:

— Раньше я таким не был. Я ведь никогда не был таким уязвимым.

Сердце Чэн Цзайе просто растаяло. Взяв Цзян Шоуяня за руки, он обвил их вокруг своей талии, наклонился и крепко обнял его:

— Могу я воспринять эти слова как комплимент?

Цзян Шоуянь слегка ущипнул его.

Чэн Цзайе, решив обнаглеть вконец, спросил:

— Тогда могу я попросить награду?

Цзян Шоуянь укусил его прямо через одежду. Чэн Цзайе погладил его по затылку, волосы под ладонью были чёрными и мягкими. Чэн Цзайе продолжил:

— Сегодня после обеда такое чудесное солнце. Цзян Шоуянь, давай сходим погулять в парк?

Цзян Шоуянь, положив подбородок на плечо Чэн Цзайе, прикрыл глаза и качнул розой в руке. Лишь спустя долгое время он отозвался:

— Угу.

Парк был вроде бы близко, а вроде и далеко: пешком — полчаса, а на машине, если петлять по улицам и стоять на светофорах, на поездку ушло бы не меньше четверти часа, да и парковку там найти было непросто. Они перебрали в навигаторе несколько вариантов маршрута и в итоге решили поехать на прокатных велосипедах — так они добрались бы минут за десять.

Не успели они выйти за ворота жилого комплекса, как Чэн Цзайе стало жарко. Он снял куртку, оставшись в чёрной водолазке, и, словно младшеклассник на экскурсии, перекинул через плечо ремешок от мультяшного термоса. Цзян Шоуянь, подцепив этот ремешок пальцем, неторопливо шагал рядом.

Чэн Цзайе размял руки. Ему предстояла всего лишь короткая поездка на прокатном велосипеде, но он провёл такую разминку, будто собирался играть в пляжный волейбол. Цзян Шоуянь, прищурившись от солнца, невольно улыбнулся.

— Эй, смотри, электроскутер, — Чэн Цзайе положил ладонь на термос и погладил пальцами тыльную сторону ладони Цзян Шоуяня. — Может, нам тоже такой купить? Будем выезжать: я за рулём, ты сзади. Довольно удобно.

Цзян Шоуянь повернул голову и взглянул на электроскутер с отдельными сиденьями:

— На таких нельзя возить взрослых, иначе оштрафуют. А если поймают без полного пакета документов, то ещё и транспорт конфискуют.

— А, — опешил Чэн Цзайе. — Всё так строго?

Цзян Шоуянь кивнул:

— Поэтому у нас тут есть негласное правило: можно не верить ничему на свете, но если говорят, что впереди дорожная полиция, — верить нужно обязательно.

Чэн Цзайе рассмеялся, повернул голову и скользнул щекой по волосам Цзян Шоуяня. У ворот комплекса стояло много жёлтых прокатных велосипедов. Они отсканировали коды доступа и, склонившись друг к другу, стали изучать навигатор.

Цзян Шоуянь ещё даже не разобрался, где перёд, где зад, а Чэн Цзайе уже сориентировался:

— Кажется, есть дорога короче.

В голову Чэн Цзайе словно был встроен навигатор. Он пару раз увеличил и сдвинул карту на экране — и тут же нашёл несколько дорожек, по которым можно срезать путь.

В переулках царили тишина и безлюдье. Опавшие листья гинкго были аккуратно сметены к обочинам, их бледно-жёлтые дорожки тянулись до конца улицы. Чэн Цзайе ехал впереди, то и дело оглядываясь на Цзян Шоуяня. Они неспешно миновали два переулка, добрались до входа в парк, припарковали велосипеды и заблокировали замки.

Наверное, из-за ясной погоды в парке было много людей, вышедших на прогулку погреться на солнышке. Цзян Шоуянь немного устал от езды на велосипеде и нашёл в чайном саду залитый солнцем уголок, чтобы посидеть. Здесь была чайная под открытым небом, к которой вели дороги со всех сторон. Прямо за стеной находился проточный пруд с карпами, который соединялся со всей водной системой парка.

Чайный сад был огромным и шумным, со множеством деревянных столов и стульев. Вокруг сновали люди. Официант, разносящий чай, держал в руке что-то похожее на гонг, но звук этого инструмента был очень тонким и звонким, как у «музыки ветра». Слуга перемещался между столиками, и звон служил сигналом для посетителей: если что-то нужно, зовите.

Чэн Цзайе быстро просмотрел меню, повернул голову, встретился взглядом с этим пареньком и махнул ему рукой. Глаза юноши загорелись. Перестав бить в свой гонг-колокольчик, он в несколько шагов подошёл к Чэн Цзайе и только он собрался блеснуть своим сычуаньским английским, как Чэн Цзайе произнёс:

— Чашку чёрного чая.

Паренёк поперхнулся так и не высказанным «Hello», застрявшим на слоге «хэ», и остолбенел. Цзян Шоуянь не сдержал смешка и сказал на сычуаньском диалекте:

— Він вміє розмовляти китайською.

Чэн Цзайе в этот раз услышал фразу, о которую можно сломать язык, и, хмуря брови, попытался повторить за Цзян Шоуянем:

— Розмовляти китайською?

Паренёк рассмеялся и пошутил:

— Хіба ще не навчив?

Цзян Шоуянь молча улыбнулся. Юноша записал в блокнот номер столика и заказ — чёрный чай, посмотрел на Цзян Шоуяня:

— А вам чого?

Цзян Шоуяню было лень выбирать, он хотел сказать, что ему то же самое, но Чэн Цзайе, словно поняв, что тот не хочет утруждать себя выбором, предложил:

— Давай я выберу для тебя?

Цзян Шоуянь был только рад переложить на него ответственность и поспешно кивнул:

— Угу.

Чэн Цзайе смотрел в меню, одновременно прокручивая в голове знания о диетотерапии и чае. Пациентам с депрессией и тревожностью нельзя употреблять слишком много кофеина, это может вызвать учащённое сердцебиение, а в тяжёлых случаях — спровоцировать паническую атаку. Но это не значит, что чай нельзя пить вообще: чай из бутонов роз улучшает циркуляцию энергии ци и снимает депрессию, зелёный — уменьшает тревожность, а чай из хризантем помогает от головной боли.

— Чай с розой подойдёт? — Чэн Цзайе прижал палец к строчке с чёрным шрифтом и повернул меню к нему.

Цзян Шоуянь приподнял бровь:

— И почему ты так любишь розы?

Роза, вырезанная из дерева, роза, собранная из лего, а теперь ещё и чай с розой. Чэн Цзайе улыбнулся, прищулив глаза, и повернулся к официанту:

— Ещё чашку чая с розой.

— Зробимо, — паренёк записал, сунул блокнот обратно в передний карман фартука и сказал: — Зачекайте трохи, зараз усе принесу.

В его речи не было каких-то совсем уж непонятных звуков, поэтому Чэн Цзайе, отчасти расслышав, отчасти догадавшись, понял смысл. И тут он вспомнил фразу юноши: «Хіба ще не навчив?» Когда Чэн Цзайе с горем пополам, коверкая звуки, воспроизвёл её, Цзян Шоуяню потребовалось время, чтобы сообразить, что он сказал.

— Что это значит? — спросил Чэн Цзайе.

— Хм... — Цзян Шоуянь немного подумал и лениво поддразнил его: — Какой уровень смысла ты хочешь узнать?

Кончики ушей Чэн Цзайе внезапно покраснели. Цзян Шоуянь, подперев подбородок рукой и прищурившись, просунул два пальца в кольцо, образованное большим и указательным пальцами Чэн Цзайе. Он медленно поглаживал их, пока лицо Чэн Цзайе не залилось румянцем, и лишь тогда протянул:

— О чём это ты подумал?

Чэн Цзайе сжал его хулиганящие пальцы. Цзян Шоуянь не стал их вырывать, но носком обуви как бы невзначай задел голень Чэн Цзайе. Тот напрягся, и тут услышал спокойный голос Цзян Шоуяня:

— Это означает: «Почему ты ещё не научил его сычуаньскому диалекту?».

Интонация Цзян Шоуяня слегка поползла вверх, и он с притворным недоумением спросил:

— Чэн Цзайе, ты почему такой красный?

Чэн Цзайе, всё ещё сжимая его пальцы, слегка прикусил их. Цзян Шоуянь с улыбкой смотрел на него.

Чай принесли быстро: две традиционные китайские чашки с крышками и на блюдцах, чайник с кипятком, а ещё паренёк отсыпал им — словно из воздуха вынул горсть семечек. Цзян Шоуянь пощёлкал немного, откинулся на спинку стула и спрятал руки в рукава. Он опустил глаза и немного понаблюдал за раскормленными, упитанными карпами кои в прудике неподалёку, а затем поднял голову и скользнул взглядом вверх вдоль толстого ствола до самой зелёной кроны старого баньяна, под которым они сидели. Сегодня небо было таким же синим, как в детстве.

— Завтра годовщина смерти мамы, — внезапно сказал он.

Чэн Цзайе от этих слов, произнесённых безо всякого предисловия, прикусил язык. Он бросил на Цзян Шоуяня испуганный взгляд, но тот лишь едва заметно приподнял уголки губ и тихо произнёс:

— Я хочу съездить туда, навестить её.

Прошло уже двадцать лет, многие воспоминания почти стёрлись, но Цзян Шоуянь по-прежнему помнил тот ясный день, когда он, сжавшись под карнизом, впервые услышал, как бабушка горько плачет. Он оцепенело смотрел в небо, у его ног скулила маленькая рыжая собачка. Цзян Шоуянь не знал, сколько просидел там на корточках, пока чья-то большая, шершавая ладонь наконец не погладила легонько его маленькую макушку. Он поднял голову и посмотрел на бабушку: ему показалось, что она вдруг сильно постарела, а в её волосах прибавилось седины. Она посмотрела ему в глаза и с улыбкой сказала:

— Янь-Янь испугался, да?

Цзян Шоуянь хотел ответить: «Бабушка, можешь не улыбаться, со мной всё в порядке». Но в горле словно застрял комок ваты, от которого было тяжело дышать. Бабушка вдруг отвернулась, но её рука всё ещё похлопывала его по спине:

— Теперь мы остались вдвоём.

Когда Цзян Шоуянь стоял на коленях перед могилой, в голове крутилась только эта фраза. Раньше на этой земле всё, что ни посади, росло очень медленно. А теперь, когда она оказалась заброшена, сорняки пёрли как сумасшедшие. Чэн Цзайе держал в руках тесак, который Цзян Шоуянь одолжил у местных жителей, и срубал сорняки перед могилой. Цзян Шоуянь немного потянул его за руку и сказал:

— Достаточно расчистить спереди, сзади не обязательно.

Ни на одной из двух могил не было надгробий, виднелись лишь сиротливые холмики жёлтой земли. Чэн Цзайе вернулся к нему и с прямой спиной опустился на колени. Язычки пламени отражались в глазах Цзян Шоуяня. Бросая в огонь жертвенные бумажные деньги, он произнёс:

— Раньше каждый год в это время бабушка сжигала для мамы бумагу. Когда мы ещё жили здесь, она жгла её на холме. А когда переехали, ходить сюда стало тяжело, поэтому она брала железное ведро и жгла бумагу дома.

Позже Цзян Шоуянь именно в этом железном ведре разжёл уголь. Возможно, тогда это стало

для него чем-то вроде завершения цикла.

— В детстве мама плохо ко мне относилась. Бабушка, наверное, боялась, что обряд навевает на меня грустные мысли, поэтому каждый раз жгла бумагу тайком, не позволяя мне этого видеть.

Но Цзян Шоуянь всё равно знал. Бабушка прятала вещи очень неумело: накроет сверху картонкой и думает, что никто не найдёт. Иногда в бессонные ночи Цзян Шоуянь выходил на балкон и, присев на корточки, заглядывал в пустое ведро. Он и сам не знал, что там высматривает. Точно так же как не знал, почему именно в этот день ему захотелось приехать сюда вновь и сжечь бумагу для матери.

Поднялся ветер и задул две красные свечи перед ними. Цзян Шоуянь сидел, опустив голову, и неотрывно смотрел, как пламя догорает, превращая бумагу в кучку безжизненного пепла, который медленно развеивается по ветру.

— Цзян Шоуянь, — внезапно позвал его Чэн Цзайе, который до этого момента хранил полное молчание.

Цзян Шоуянь, всё так же не поднимая головы, отозвался:

— М-м.

Чэн Цзайе спросил:

— Как думаешь, твои мама и бабушка оказались заперты здесь?

«После смерти человек должен быть свободен», — подумал Цзян Шоуянь. Прах к праху, земля к земле. Ничего не остаётся, а значит, ничто не может сковывать. Цзян Шоуянь покачал головой и ответил:

— Нет.

Чэн Цзайе:

— Значит, и ты не будешь.

<http://bllate.org/book/14908/1663091>